

Синкретизм частей речи как синергетический процесс

Е.Ю. Муратова

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В статье исследуется синергетический потенциал грамматических категорий в поэтической системе русского языка. Дается определение основных терминов синергетики. Выявляются различные случаи синкретизма частей речи: совмещение признаков прилагательного и существительного в одной лексеме, использование глагола и наречия в функции существительного. Наиболее активно проявляется субстантивация прилагательных и причастий, реже фиксируется употребление глаголов, наречий, служебных частей речи в функции существительного. В поэтических текстах действие или состояние может выражаться через существительное не суффиксальным словообразованием, а частеречной трансформацией. Подавляющее большинство наречий и предложно-падежных сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Интонационное, мелодическое или ритмическое выделение слова (на письме – графическое) может вызвать его частичное или полное грамматическое изменение. В результате частеречный синкретизм является потенциальным источником возникновения сложных смыслов, создающих синергетичность поэтического текста.

Ключевые слова: значение, смысл, синкретизм, синергетический процесс.

Syncretism in parts of speech as a synergetic process

Y.Y. Muratova

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»

Synergetic potential of grammatical categories in the poetic system of the Russian language is studied in the article. The definition of basic terms of synergy is given. We can reveal different cases of syncretism in parts of speech: combination of signs of the adjective and the noun in one lexeme, use of the verb and the adverb in the function of the noun. Substantiation of adjectives and adverbs is revealed more often while use of verbs, adverbs, functional words as nouns is a more rare case. In poetic texts an action or a condition may be expressed by a noun not with suffix formation but with the help of parts of speech transformation. Overwhelming majority of adverbs and endings of prepositional case, which are used in the function of the noun, reflect the two basic categories of reality – space and time. Tonal, melodic, rhythmic dedication of the word (graphic in writing) can result in its partial or full grammatical change. As a result the syncretism of parts of speech is the potential source of emergence of complicated ideas which create synergy in the poetic text.

Key words: meaning, sense, syncretism, synergetic process.

Традиционная наука в изучении мира делала акцент на замкнутых системах, обращая особое внимание на устойчивость, порядок, однородность. В классике пространство и время абсолютны, парадоксы и случайности отторгались как нечто мешающее познанию, как препятствие на его пути. Физики первыми отделили классические системы (линейные) от динамических (нелинейных). Синергетический подход акцентирует внимание именно на нелинейных открытых системах.

Основатели синергетического взгляда на мир (И. Пригожин, Г. Хакен, С. Курдюмов, Р. Том, Ю. Климонтович, Л. Мандельштам, Б. Мандельброт, Д. Чернавский, Ю.А. Данилов, В.И. Аршинов и др.) утверждали, что основные закономерности самоорганизации, выявляемые при изучении природных процессов, распространяются и на социокультурную сферу деятельности человека. В частности, в отношении языка Г. Хакен писал: «При надлежащей интерпретации результатов синергетики мы можем рассматривать возникновение смысла как возникновение нового качества системы, или, иначе говоря, как *самопорождение смысла*» [1].

Цель данной статьи – показать роль нового синергетического подхода в исследовании языка по-

эзии на примере анализа синкретизма частей речи.

Синергетический подход к исследованию языка поэзии возможен, в первую очередь, потому, что поэтический язык представляет собой нелинейную, открытую, динамическую систему, и как таковой подчиняется общим универсальным синергетическим законам. Потенциальные и асистемные элементы языка, широко представленные именно в поэзии, являются носителями нелинейности, инициируют в нем процессы синтеза и самоорганизации новых, глубинных смыслов слова. Они являются полем порождения переносной, возвратной по существу, семантики, потому что обращены к внутренним ресурсам языка. Эти элементы в первую очередь и должны стать объектом синергетического анализа.

Материал и методы. К числу основных понятий синергетики относятся следующие: диссипативная структура (диссипативный процесс), аттрактор, бифуркация, фракталь.

1. Диссипативная структура. Свое понимание феномена самоорганизации И. Пригожин связывает с понятием диссипативной структуры – структуры, спонтанно возникающей в открытых неравновесных системах. В книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса» [2] процесс возникновения диссипативных структур объясняется следующим образом. Пока система находится в состоянии равновесия, ее элементы ведут себя независимо друг от друга, как бы в состоянии гипнотического сна. Но если эта система под воздействием окружающей среды переходит в неравновесное «возбужденное» состояние, ситуация меняется. Элементы такой системы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно. Между ними возникают корреляции, когерентное взаимодействие, результатом которого и является диссипативная структура. Именно «совместное действие» или когерентное поведение элементов диссипативных структур и является тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации.

В поэтическом языке возникновение диссипативных структур, т.е. *когерентное взаимодействие языковых единиц, в результате которого рождается новый смысл*, наблюдается регулярно. В первую очередь это проявляется на уровне синтагматических связей лексем.

Например, смыслы сочетания *кровотечение звука* (Б. Ахмадулина) – «тоска, печаль, прерывание звука» – не возникают из словарных значений лексем *кровотечение* и *звук*. Пока система находится в состоянии равновесия, пока лексемы «ведут себя независимо» друг от друга, никакие новые смыслы не возникают. Когда же лексемы «просыпаются от сна» и начинают действовать согласованно, тогда в их сочетании появляется смысл *печали и тоски*: если звук кровоточит, то однозначно предполагается не-радость такого звучания. Течение реки радует, любое кровотечение – нет. Нормальный человек на сознательном либо подсознательном уровне хочет кровотечение остановить, следовательно, возникает еще один смысл: желание *звук прервать*. В данном случае сочетание *кровотечение звука* представляет собой диссипативную структуру, поскольку в результате когерентного взаимодействия составляющих его лексем (т.е. в результате диссипативного процесса) рождается, «самоорганизуется» новый смысл. «Толчком» возникновения диссипации, «внешним воздействием на систему» стало языковое творчество автора, базирующееся на его собственном бессознательном и на индивидуальной языковой картине мира, в связи с чем он именно так, а не иначе «строит» свое поэтическое произведение или его отдельные элементы.

2. Аттрактор – направление поиска смысла и приписывание выражению определенного смыслового содержания. Аттрактор выявляется в «переходе от анализа стабильного значения слова к рассмотрению изменчивого содержания высказывания» [3].

3. Бифуркация – «ветвление путей эволюции системы» [4], а именно: возможности системы реализовывать разные смыслы у одной и той же совокупности языковых единиц, т.е. линейно упорядоченной цепочке слов могут быть приписаны разные смыслы.

4. Фракталь. Основой детерминации беспорядочности и разброса смыслов в языке являются фракталы, базирующиеся на более или менее общей смысловой однозначности восприятия людьми окружающего мира. Фракталы – границы объектов, имеющих свойства масштабной инвариантности: наблюдается постоянное изменение объектов, но обязательно в рамках определенной целостности данного феномена (в природе это, например, облака). В языке выявляются семантические фракталы – группировка возможных смыслов вокруг смыслового инварианта. Основная функция фракталов в языке – удерживать возможные смыслы одной фразы в пределах некоторой мыслимой целостности. Например, в строках А. Вознесенского *Нам, как аппендицит, поудалили стыд* словарные значения лексем *аппендицит*, *удалить*, *стыд* не создают фракталь «медицина, больница»; инвариантом здесь является *стыд, совесть, нравственность*, которым детерминируется смысл вы-

сказывания.

Результаты и их обсуждение. Для поэтических текстов характерна реализация синергетического потенциала основных грамматических категорий. Традиция изучения грамматики лирического текста опирается на представление о наличии «особого уровня грамматической образности в поэтическом тексте» [5]. Нам кажется очень верной мысль Михаила Эпштейна о тех моментах мышления, которые меньше всего контролируются самим мышлением, предзаданы ему, образуя негласную, неслышимую систему правил: «Лексика говорит с нами шумно и внятно, тогда как грамматика таит про себя заветные мысли... Грамматика – это не то, **что** мы думаем, а **чем** мы думаем, когда говорим, или даже то, **что думает нами**; это бессознательное нашего мышления» [6].

Представляется, что синергетический потенциал грамматических категорий в поэтической системе русского языка определяется тремя основными составляющими, а именно: 1) синергетические возможности переносного употребления грамматических форм, в результате чего возникают и реализуются определенные добавочные смыслы (глагольные категории наклонения, времени, лица); 2) синергетические возможности окказионального формообразования (окказиональное формообразование форм числа, рода, одушевленности/неодушевленности существительного, категории вида глагола, кратких форм имен прилагательных, форм сравнительной степени); 3) синергетические возможности частей речи (различные случаи синкретизма, семантизация и актуализация служебных частей речи, концентрация/отсутствие форм разных частей речи).

Синкретизм частей речи потенциально представляет собой синергетическое явление, поскольку в лексемах одновременно проявляются значения разных частей речи. Грамматическая неопределенность, благодаря которой в зонах бифуркации развиваются диссипативные процессы, проявляется в поэзии по-разному.

Синергетический потенциал выявляется при использовании прилагательного и глагола, восходящих к перфекту. Например, в стихотворении Л. Лосева «Цитатник»: *Как ныне прощается с телом душа, / Проститься, знать, время настало. / Она – еще, право, куда хороша. / Оно – **пожило и устало***. Лексемы *пожило и устало* одновременно функционируют и как глаголы, и как прилагательные, что организует зону бифуркации, в которой нелинейно и одномоментно возникают смыслы и образы пожилого человека, уставшего тела, долгой, трудной жизни, понимания, что пожил достаточно.

Встречаются тексты, в которых не различаются прилагательное и существительное. Например, у В. Сосноры: *Вот мы вдвоем с тобой, Муза, / мы – **вдовы**. / **Вдовы** наш хлеб, любовь, бытие...* Диссипация возникает за счет того, что лексемы *вдовы* могут восприниматься и как прилагательные, и как существительные, т.е. одновременно обозначают предмет и его признак. С другой стороны, возможно, что в первом случае перед нами существительное (все-таки тире между подлежащим и сказуемым больше характерно для существительных, хотя оно употребляется в поэзии и между существительным, местоимением и прилагательным). Во втором случае перед нами, как кажется, все-таки прилагательное, которое характеризует *наш хлеб, любовь, бытие* – каковы они? – *вдовы*. В любом случае, уже сама возможность разной интерпретации значений указывает на сильнейший диссипативный процесс, который в этом случае возникает.

Для системы поэтического языка характерна окказиональная транспозиция разных частей речи, которая представляет собой сложное языковое явление. Например, у А. Вознесенского: *1. Начните с бесславья, с безденежья. / Злорадствует пусть и ревнует / **былая** твоя и **нездесьняя** – / начните **иную**. 2. **Пьяное** это из темноты кричало, ища коробок, / что Мария опять беременна, а мир опять не готов... 3. На ветру мировых клоунад / заслоняем своими плечами / **возникающее между нами** – / как ладонями пламя хранят. 4. Скучна мне сцена **разрешенных**. 5. Ты на кого-то меня сменяешь, / но, понимаешь, / пообещай мне, не будь чудовищем, / забудь со **стоящим**. 6. **Сытый** толкает тележку с провизией, / родине нищей сочувствие вырази.*

Иногда наложение значений носит более сложный характер: *Белый был – красным стал: / Кровь обагрила. / Красным был – белым стал: / Смерть побелила* (М. Цветаева). Здесь мы наблюдаем намеренное соединение двух фракталей – «цвет» и «представители враждующих русских армий», т.е. лексемы *красный* и *белый* функционируют и как собственно прилагательные, и как субстантивированные прилагательные. Аттрактор постоянно меняет свое направление от одной фракталы к другой: «*белым был – красным стал*» – перешел к красным? Нет: кровь обагрила. «*Красным был – белым стал*» – перешел к белым? Нет: смерть побелила. В результате эксплицируются глубинные трансцендентные смыслы: Краски Смерти, у которой, в конечном итоге, все и всё – одного цвета: и

красный с белым и «красный» с «белым». И стоит ли это деление – уже, безусловно, не цветовое – Смерти?

В узуальной языковой системе глагол в функции существительного наблюдается очень редко, в целом это явление не характерно для русского языка, но оно проявляется (не частотно) в поэтических текстах («бывший» глагол приобретает признаки существительного: имеет при себе определение, в предложении выступает в качестве подлежащего или дополнения): 1. *В изящном узеньком конверте / Нашли ее «прости».* 2. *Споем последнее прости.* 3. *Так вбаливаются в любовь: / Впадываются в: падать* (М. Цветаева).

Последний пример является яркой иллюстрацией создания текста высокой синергетики, хотя представлен он всего 5 знаменательными словами. Каждая лексема и их сочетания являются маркерами синергетичности: окказионализмы *вбаливаться*, *впадываться*, субстантивированный глагол *падать*, неузуальное сочетание однокоренных лексем *впадываться в: падать*. Кроме того, семантически значима нестандартная постановка двух двоеточий. Каждая лексема представляет собой точку бифуркации, поскольку каждая является источником глубинных смыслов: *вбаливаются в любовь* – не просто любят, не просто «болеют» любовью и страдают, но страстно хотят именно боли от любви, стремятся достичь болевого пика в ней. *Впадываются* – не просто падают, а хотят сорваться в этой любви как с обрыва, «врасти» в это падение и в эту боль. Оба окказионализма разворачивают аттрактор во фракталь «место падения». Такие страсти «на разрыв аорты» предполагают какое-то невозможное по глубине и несчастью место падения. Поэт находит гениальное решение: субстантивированный глагол *падать* рождает смысл вечности; форма инфинитива, не имеющая категории времени, и создает ощущение безвременья: вечно страдать и любить, вечно падать, задыхаясь в падении от любви, ужаса, боли и все-таки от счастья тоже.

В поэтических текстах действие или состояние может выражаться через существительное кратчайшим способом – не суффиксальным словообразованием, а частеречной трансформацией:

Есть племя покинул и племя вернул:

покинулы скорбно толпятся у ямы,

вернулы в парадный встают караул,

не зная друг друга, но слыша тамтамы... (А. Найман).

Выявляется 4 маркера синергетичности: 2 глагола в функции существительного и 2 окказиональных существительных. Названия племен *покинул* и *вернул* – глаголы сов. вида, пр. времени, 3 лица, ед. числа употреблены в функции существительных. Такое использование глаголов сразу превращает их в зоны бифуркации, т.к. изначально задается смысловая неопределенность, и аттрактор может быть направлен в диаметрально противоположные стороны. *Племя покинул* – это покинутые или покинувшие? *Племя вернул* – это вернувшие, вернувшиеся или вообще возвращенные? Окказиональные существительные *покинулы* и *вернулы* также не отвечают на эти вопросы, поскольку допускают любое смысловое «ветвление фразы». Кроме того, контекст рождает многочисленные смыслы: раз *покинулы скорбно толпятся*, то, скорее всего это покинутые люди, но почему у ямы? *Вернулы в парадный встают караул* – это, скорее всего, вернувшиеся друг к другу люди, но почему они не знают друг друга? Как видим, механизм самоорганизации глубинных смыслов в данном четверостишии подобен цепочке: использование глаголов *покинул* и *вернул* в функции существительного является базой для создания окказиональных существительных *покинулы* и *вернулы*, которые, в свою очередь, превращаются в «пучок» многообразных смыслов.

Своеобразно использует глаголы в функции существительного А. Левин. Рассмотрим его стихотворение «Разные летали»:

За окном моим летали / две веселые свистели. / Удалые щебетали / куст сирени тормошили. / А по крыше магазина / важно каркали гуляли / и большущие вопили / волочили взад-вперед. / Две чирикали лихие / грызли корочки сухие, / отнимали их у толстых / косопалых воркутов. / А к окошечку подсели / две кричали-и-галдели / и стучали в батарею, / не снимая бабшаков.

Маркерами синергетичности в данном контексте являются все глаголы в функции существительного, их 6. Узуальные глаголы в данном тексте функционируют как имена существительные. Поэт использует узуальные глаголы как формы мн. числа не существующих в языке названий для не существующих в реальном мире живых существ. Причем сразу возникают образы птиц: сам контекст рождает такие ассоциации: *летали*, *куст сирени тормошили*, *грызли корочки сухие*, *к окошечку подсели*. Но главное то, что почти все глаголы, используемые в наименовании неизвестных живых существ, являются глаголами звучания: *свистели*, *щебетали*, *вопили*, *чирикали*, *крича-*

ли-и-галдели, т.е. из-за словарного значения глаголов данные лексемы одновременно выражают и субъект действия и в какой-то степени само звуковое действие, которое этот субъект производит. Превращение предиката в субъект устраняет специфически глагольные значения времени и вида, но при этом остается значение динамики, заложенное в глагольных основах, и возникает значение конкретности и одушевленности. Такое сложное соединение смысловых фракталей и грамматическая диффузия превращает эти лексемы в зоны бифуркации, в которых рождаются самые разные смыслы. Глубину этих смыслов усиливают словообразовательные ассоциации с существительными на -аль и -аля: поскольку *свистели*, *щебетали* и т.д. в данном контексте – формы мн. числа, то существует потенциальная промежуточная форма – *свистель(ля)*, *щебетель(ля)* и под. Лексема *летали* используется поэтом двояко: в первой строке – это однозначно глагол *летать*: *За окном моим летали две веселые свистели*; в названии же («Разные летали») заложен двойной смысл: с одной стороны, *летали* может быть глаголом, а *разные* – субстантивированным прилагательным, но контекст стихотворения все-таки поворачивает аттрактор в сторону того, что *летали* – это существительное во множественном числе (все те, кто летает), т.е. всех *свистелей*, *щебеталей* и т.д. поэт называет *леталями*. Сама возможность разной интерпретации частеречной принадлежности лексемы *летали* и, соответственно, разное понимание возникающих смыслов, представляет собой диссипативный процесс самоорганизации неоднозначных смыслов данного контекста. В итоге, включение узуальных глаголов *свистели*, *щебетали*, *вопили*, *чирикали*, *кричали-и-галдели* в класс существительных превращает их в зоны бифуркации, в которых актуализируются многочисленные парадигматические связи и происходит рождение глубинных смыслов.

В современной поэзии использование наречий в функции существительного встречается довольно редко: *За пошлость измены! / За страшную цену / красивою быть, да еще современной... об все деловые постели, об все «невозможно», / об «тесно» – / об стену!* (А. Вознесенский). *Качать... / Сначала куклу, а потом Не куклу, а почти* (М. Цветаева). 1. *Как мускулы в ней высоко взведены, / когда первобытным следит исподлобьем / три тени родные. 2. Два мрачных исподлобья сведены / в неразрешимой и враждебной встрече* (Б. Ахмадулина).

Необходимо отметить, что подавляющее большинство наречий и предложно-падежных сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Темпоральные наречия *всегда*, *сейчас*, *тогда*, *потом*, *однажды* и под. в функции существительного становятся в поэтическом тексте точками бифуркации. Семный состав слова изменяется, одни семы актуализируются и попадают из периферии фрактала в ее ядро, другие – наоборот, из ядра уходят на периферию. Подобные изменения не частотны, но характерны практически для всей исследуемой лирики: 1. *Рывок – и нет пустого «прежде», / Удар – преображенья миг...* 2. *Из Всегда в Теперь – / Полный звук уловить* (А. Лысов). 1. – *Отче, возьми в назад, / В жизнь свою, отче!* 2. *Помню... все прощанья у ворот / Все однажды;* (М. Цветаева). *За все! За Дождь! За после! За тогда! / За черноключье двух зрачков чернейших...* (Б. Ахмадулина). *Летящей горою за мною несется Вчера, / А Завтра меня впереди ожидает, как бездна, / Иду... Но когда-нибудь в Бездну сорвется Гора. / Я знаю, я знаю, дорога моя бесполезна* (Н. Гумилев).

Проанализируем следующий пример из лирики А. Вознесенского: *Ребята – при часах. / Девчата – при сергах. / Живите – при сейчас, / любите – при Всегда, / прически – на плечах, / щeka у свитерка, / начните – при сейчас, / очнитесь – при всегда.*

В контексте выявляется 4 маркера синергетичности – наречия в функции существительного. Наречия *сейчас* и *всегда* указывают на взаиморасположение событий (состояний, отношений) во времени. В узуальном употреблении наречие *всегда* обозначает длительный (или даже вечный) процесс; наречие *сейчас* – некоторое точное сиюминутное событие. В данном тексте между лексемами снимается оппозиция длительность/точность: и *сейчас* и *всегда* передают длительность за счет предлога *при*. Смысл длительности и вечности *сейчас* в узуальном употреблении не имеет, он возник за счет образования диссипативной структуры *при сейчас* и влияния на нее другой диссипативной структуры *при всегда*. При чем в таком представлении длительность (любви, настоящей жизни, переход от сиюминутности к настоящим отношениям) передается как нормальное состояние мира.

Пространственные наречия в функции существительного актуализируют ментальное освоение пространства. Как правило, их посредством усиливается сема дальности, актуализируется неизвестность (т.к. далеко), противопоставляется *здесь/там* и т.д.: 1. *Он о «там» говорил, но как мало /*

Это «там» заменяло мне «здесь». 2. И улыбка из великого Издали... 3. В нигде – Затопленные берега; 4. Косматая звезда, / Спешащая в никуда / Из страшного ниоткуда (М. Цветаева).

Для лирики характерны оппозиции адвербиализованных предлогов *под* – *над*, наречий *здесь* – *там* (Всегда отсутствующий **ЗДЕСЬ**, / Чтоб **ТАМ** присутствовать бессменно), что отражает деление мира (например, у М. Цветаевой) на быт и бытие, где быт – *здесь*, *под*, бытие – *там*, *над*. Необходимо отметить, что изменение грамматического статуса слова приводит не просто к обогащению или изменению его семантики, но часто именно через окказиональные грамматические изменения поэт выражает наиболее значимые для него философские понятия. Например, в одном из писем именно через предлог выражает М. Цветаева свою сущность: «Друг, друг, я ведь дух, душа, существо. Не женщина к Вам писала, и не женщина к Вам пишет, то, что *над*, то, с чем и чем умру!». Предлоги *над* и *под* при их субстантивации или адвербиализации не только получают лексическое значение как значимые части речи, они превращаются в зоны бифуркации, в которых самоорганизуются глубинные философские смыслы. Во второй половине XX века Ю.М. Лотман доказал, что оппозиция «верх – низ» в пространственной модели культуры интерпретируется не только как физическая, но и как «этическая» вертикаль [7].

Интонационное, мелодическое или ритмическое выделение слова (на письме – графическое) может вызвать его частичную или полную грамматическую трансформацию, которая создает синергетичность поэтического текста: «А жить – нужно... А жить – нечем. Вся жизнь *до* и *после*. *До* – все мое будущее!...». За счет служебных слов рождается дополнительный смысл, который не явлен в полнозначных словах. 1. *Над мотыгами* – **и** – *спинами* / *Полыхание двух бурь*! 2. **От** нас? Нет – **по** нас / *Колеса любимых увозят*! 3. *И покамест* – *счета* – *кипами*, / *И покамест* – *сердца* – *хрипами*, / *Закипание* – **до** – *кипени* / *Двух вспененных крепись* – *крыл* (М. Цветаева). *Марина, до! До* – *детства, до* – *судьбы, / до* – *ре, до* – *речи, до* – *всего, что после...* (Б. Ахмадулина).

В поэтическом языке служебные слова способны выступать в функции существительного и тем самым реализовывать свои потенциальные синергетические возможности: 1. *В нашем хлюпавшем болоте / открывал нам всем глаза / жанр великих писем – против / тошнотворных подлых «за»*. 2. *...и мы не замечали иногда, / что в «нет» отчаянном / порой звучало «да»...* (Е. Евтушенко).

Ярким примером является стихотворение Е. Евтушенко «В государстве по имени КАК БЫ». Сам поэт в предисловии к этому стихотворению грустно и одновременно иронично объяснил мотивы его написания: «За последние два-три года в русский разговорный язык заползло да и расплодилось по всей стране двусмысленное словечко «как бы...», которое как бы все ставит под сомнение, а в то же время как бы ухмылочкой как бы успокаивает как бы совесть...».

Я живу в государстве по имени КАК БЫ... / где порой как бы любят, / но как бы и не без хамства. / «Это правда, что все как бы пьют / в государстве по имени КАК БЫ? / Есть, кто как бы не пьет, / и, поверьте мне, / как бы ни капли... / «Что вообще за народ эти самые КАКБЫЙЦЫ?» / Как бы милый вполне, / но бывают порой как бы воры и как бы убийцы... / В основном, все мы как бы радушны / и как бы достойны... / Мне раскрыла КАКБЫЙКА одна / свою крошечную как бы тайну: / «Я в вас как бы навек влюблена. / Вас читаю и как бы вся таю...» / Я хочу перед Богом предстать / как я есть, / а не как бы, / не вроде – / лишь бы «как бы счастливым» не стать / в «как бы жизни» / и «как бы свободе».

На 24 строки приходится 7 маркеров синергетичности: две субстантивированные частицы *как бы*, два окказиональных существительных (*какбыйцы*, *какбыйка*), две служебные лексемы *как бы* и *вроде* используются в функции знаменательных частей речи (затруднительно сказать каких именно), намеренный повтор (12 раз) частицы *как бы*. Эта частица в естественном языке является оператором приблизительности, обозначает мнимость изображаемого, очерчивает некоторое семантическое пространство между истиной и не-истиной. Поэтому ее намеренная актуализация в поэтическом тексте с первой до последней строки создает диссипативный процесс рождения трансцендентных смыслов, отражающих горечь, иронию, надежду, социальные отношения в стране, авторское мировидение. Интересен взгляд на роль этого оборота речи в социуме В. Руднева, который пишет следующее: «Как бы» и «На самом деле» – выражения, характеризующие различные поколения сегодняшних русских интеллигентов и, соответственно, их картины мира. Привычка через каждые пять предложений добавлять «На самом деле» характеризует поколение, выросшее в 1960-х гг. и реализовавшееся в 1970-х гг. «Как бы» говорит поколение, выросшее в 1980-х гг. и не реализовавшее себя в 1990-х гг.» [8]. С учетом такого взгляда можно говорить о дополнительных смыслах, которые организуются в этом стихотворении: герой – из поколения шестидесятников, а

живет он среди поколения, не сумевшего себя реализовать, он для них «чужой» и «чужой» для своей страны, которая постепенно превращается в государство по имени КАК БЫ, где все ненастоящее, все на уровне «полу-»: чувства, идеалы, лозунги.

Заключение. Совмещение значений разных частей речи в одной лексеме создает грамматические условия для самоорганизации глубинных смыслов. Наиболее активно проявляется субстантивация прилагательных и причастий, реже фиксируется употребление глаголов, наречий, служебных частей речи в функции существительного. В поэтических текстах действие или состояние может выражаться через существительное не суффиксальным словообразованием, а частеречной трансформацией. Подавляющее большинство наречий и предложно-падежных сочетаний, используемых в функции существительного, отражают две основополагающие категории действительности – пространства и времени. Интонационное, мелодическое или ритмическое выделение слова (на письме – графическое) может вызвать его частичное или полное грамматическое изменение. В результате частеречный синкретизм является потенциальным источником возникновения сложных смыслов, создающих синергетичность поэтического текста.

Литература

1. Хакен, Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным явлениям / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – С. 35.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
3. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики: [вступ. ст.] / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е.В. Падучевой. – С. 8.
4. Михневич, А.Е. Значение → смысл: диссипативный процесс / А.Е. Михневич // Русский язык: система и функционирование: материалы междунар. науч. конф., 18–19 мая 2004 г., Минск: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И.С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 40.
5. Цивьян, Т.В. Наблюдения над категорией определенности–неопределенности в поэтическом тексте (поэтика А. Ахматовой) / Т.В. Цивьян // Категория определенности–неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М. Николаева. – М., 1979. – С. 348–363.
6. Дар слова. Выпуск 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mhtml:file://C:\Users\Admin\Documents\наука\www_russ_ru Михаил Эпштейн. – Дата доступа: 30.07.2010.
7. Лотман, Ю.М. Заметки о художественном пространстве / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллинн, 1992–1993. – Т. 1. – 1992. – С. 448–463.
8. Руднев, В.П. «Как бы» и «На самом деле» / В.П. Руднев // Словарь культуры XX в. – М.: Аграф, 1997. – С. 123.

Поступила в редакцию 4.01.2011

Адрес для корреспонденции: г. Витебск, ул. П. Бровки, д. 7, корп. 1, кв. 102, [e-mail: mouratova@tut.by](mailto:mouratova@tut.by) – Муратова Е.Ю.